

в иллюстрациях Хроники русские читатели видели не отвлеченные композиции на непонятные им темы, а безыскусственные ситуации, которые с одинаковым успехом могли случиться в любой средневековой стране, в том числе и на Руси. Цари и царицы, наместники и полководцы, телохранители и солдаты, походы и боевые схватки, заговоры и темницы, суды и расправы, строительство храмов и пиры по случаю их освящения, церковные соборы и преследование еретиков, благочестие монахов и подвиги святых, чудеса магов и торжество православия — все это являло русскому читателю картину, хотя и удивительную своей пестротой и обширностью охвата, но очень понятную и близкую, ибо в окружающей жизни он ежедневно мог наблюдать нечто похожее с той только разницей, что вместо библейских героев, римских кесарей или раннехристианских императоров участниками событий были местные епископы, князья и прочие знатные лица. Переделывать иллюстрации византийской хроники в русском духе или производить их отбор не имело никакого смысла — они и в своем первоначальном виде служили достаточно ясными примерами, чтобы через историческую аналогию отыскать подходящую ситуацию в действительности собственной страны и соответствующим образом ее оценить. Сила средневекового искусства в том и состояла, что оно выработало в себе способность воплощать самые разнообразные чувства и жизненные ситуации в устойчивых, повторяющихся образах. Эти образы не требовали ломки в зависимости от каждого конкретного случая, потому что они служили вместилищами сотен и тысяч индивидуальных фактов истории человеческого общества, обобщая и доводя их смысл до классически ясной и понятной формы.